

УДК 93/94

Православный человек в круговороте Гражданской войны (на материалах Приенисейской Сибири)

А.П. Дворецкая

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия
advoreckaya@mail.ru

Статья поступила 14.02.2017, принята 7.04.2017

В настоящее время судьба православия в годы Гражданской войны активно обсуждается в научных и общественных кругах. В тот период в противоборство сторонников и противников Советской власти были втянуты духовенство и верующие, многие оказались по разные стороны баррикад. На примере Приенисейской Сибири в статье доказывается, что социальная катастрофа привела к убийствам и насилию с обеих сторон, во многом ужесточила в дальнейшем позицию Советской власти по отношению к религии.

Ключевые слова: православие; Гражданская война; социальная катастрофа; Приенисейская Сибирь.

An Orthodox man in the turnover of the Civil War (on the example of the Yenisey region)

A.P. Dvoreckaya

Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia
advoreckaya@mail.ru

Received 14.02.2017, accepted 7.04.2017

At present, the fate of Orthodoxy during the Civil War is actively discussed in scientific and social circles. At that time, clergy and believers were embroiled in the confrontation between the supporters and opponents of Soviet regime, and many were on opposite sides of the barricades. Using the example of the Yenisey region, the article proves that social catastrophe led to murders and violence on both sides and toughened, in many ways, the position of the Soviet government towards religion.

Key words: Orthodoxy; Civil War; social disaster; Yenisey region.

Революционные события 1917–1918 гг. значительно изменили отношение жителей региона к политическим процессам, происходившим в стране, и спровоцировали возникновение в Приенисейской Сибири кризиса культурного и социально-политического доверия к религии, особенно православию. Кризис сопровождался сменой общественной ориентации населения, пересмотром ранее сложившихся культурных стереотипов и созданием благоприятных возможностей для тех идей, что не были непосредственно связаны с отвергаемой культурной средой. Православие, генетически связанное

с народной культурой и традициями, замещалось идеями о революционной самореализации человека. Особенно усилилось противоборство противников и сторонников нового в годы Гражданской войны. Русская православная церковь также оказалась втянута в это противостояние.

Стереотипы изучения темы сформировались еще в советский период отечественной истории, когда конфессии и верующие рассматривались как классовые враги. Советская историография заслуженно отмечала остроту противоречий, но акцентировала внимание на агрессии Церкви по отношению к Совет-

ской власти [1]. Работы носили антицерковный и антиклерикальный характер [2], были направлены в первую очередь против Церкви как идеологического противника [3].

Позднее, в 1980-е гг., формируется представление об отрицательном отношении церкви к происходящим событиям из-за неприятия Декрета об отделении церкви от государства. Правда, существуют работы, в которых отмечаются факты значительного распространения насилия как с одной, так и с другой стороны [4]. Как указывает С.Г. Петров, ответственность за конфликтные отношения и нежелание искать компромиссы историки в равной степени возлагали и на духовенство, и на большевиков [5, с. 34].

В настоящее время период Гражданской войны по-прежнему остается малоизученным. В монографии И.С. Цыремпиловой указывается, что в ходе Гражданской войны и иностранной военной интервенции православная церковь в лице видных представителей духовенства превратилась в активно действующую силу, центр притяжения для всех, кто чувствовал себя ущемленным новой властью. Особенно это касалось территорий, контролировавшихся «белыми» правительствами [6, с. 43].

В научной работе И.С. Цыремпиловой в развитие данного тезиса указывается, что духовенство Байкальского региона поддержало белое движение, и это было объективной реакцией на политику большевиков. Однако к концу «белой» государственности «белые» правительства стали открыто использовать православную церковь в своих политических целях, а сама церковь как институт переживала в тот период внутренний кризис, обусловленный политической нестабильностью, отсутствием единоначалия, недостатком объективной информации [7, с. 34, 35].

В работе Т.М. Новиковой прослеживаются взаимоотношения региональных властей и религиозных организаций, рассмотрены наиболее драматичные эпизоды, затронувшие православное духовенство, верующих и храмы. В значительно меньшей степени показаны особенности повседневной деятельности Церкви в различные периоды Гражданской войны, спектр интересов духовенства и православных верующих. При этом, несмотря на заявленные территориальные рамки Восточной Сибири, материал по Ени-

сейской губернии был использован незначительно [8].

В отличие от светских историков, представители Церкви характеризуют ее положение в годы Гражданской войны как гонимое и мученическое [9].

В целом же исследователи приходят, по сути, к единому выводу о негативном отношении Русской православной церкви к большевикам и к первым шагам новой власти по пути атеизации населения, которые и породили конфликт.

Однако не только процессы развития и углубления конфликта, но и изменения сознания верующих в новой исторической обстановке остаются за рамками изучения. В этом плане хочется поддержать А.П. Шекшеева, который указывает, что отношение енисейских крестьян к православию не было простым и однозначным, разрыв с ним проходил длительно и противоречиво. Единственным аспектом изучения становятся факты государственных гонений, а интересы к внутриконфессиональным процессам не прослеживаются [10].

Вопреки продекларированному Поместным Собором 1917–1918 гг. отказу от политической зависимости церковные власти не смогли отстраниться от воцарившегося в стране противостояния и были вынуждены определиться в своих предпочтениях. На первом заседании четвертого Енисейского епархиального съезда духовенства и мирян 6 (19) августа 1918 г. вновь избранный епископ Красноярский и Енисейский Назарий приветствовал решения Временного Сибирского правительства и благодарил его за дарование свободы веры и совести, возвращение в школы Закона Божьего. Этим признавалось право меньшевиков, эсеров и кадетов на власть в Сибири. Епархиальное священство в этом солидаризировалось с другими представителями высшего духовенства Сибири [11].

В политическое противостояние оказалось втянуто и рядовое духовенство. Показательно, что служители культа не стали монолитной опорой монархии: спектр их политической ориентации был довольно широк и обнаруживал давнюю внутреннюю нестойкость их общественных взглядов (в церковной среде в различных пропорциях нашли поддержку все оппозиционные партии). Значительная часть приходских свя-

щеннослужителей поддержала белое движение. 24 мая 1919 г. церковное управление Сибири наградило 12 священников Красноярско-Енисейской епархии за их деятельность в борьбе с партизанским движением.

С другой стороны, после падения власти советов летом 1918 г. в протоколах заседаний Енисейского епархиального церковного совета появляются сведения о поддержке отдельными духовными лицами большевиков и службе духовенства в партизанских отрядах. Самыми громкими в этом ряду стали процессы над священниками И. Вашкориным и Васильевым (имя не указано) и четырьмя псаломщиками — участниками благочиннического съезда 5-го участка Канского уезда, принявшего резолюции антицерковного и антиколчаковского характера (сентябрь 1918 г.), а также уголовное дело против «красных попов» И. Вашкорина и В. Орлова [12].

После захвата власти военными в духовной среде сформировались антиколчаковские настроения. Идея верховности православия и провозглашение приоритета истинных духовно-патриотических традиций сами по себе были привлекательны для православного духовенства, но служение церкви абсолютной диктатуре, которой на практике являлась власть Колчака, отвергалось. Священнослужители отрицательно относились к вмешательству во внутрицерковную жизнь военных властей, запрещающих хоронить и поминать убитых большевиков. Они не раз обращались к епархиальным властям с требованием указать военным, что эти вопросы являются прерогативой церкви [13].

В августе – сентябре 1919 г. православным епархиальным комитетом были приняты еще более непопулярные меры: в поддержку правительства Колчака создавались комитеты помощи армии, проводились молебствия о даровании победы белой армии. Было опубликовано воззвание епископа Красноярского и Енисейского Назария к пастве с призывом к церковному покаянию и проведению крестных ходов и всенародного моления о даровании победы русским (колчаковским) войскам [14].

Пробольшевистски настроенная часть народа стала рассматривать духовные власти и поддерживающих их священнослужителей как явных или скрытых врагов, к которым необходимо было применять репрес-

сивные меры, что часто и осуществлялось на практике. Всего к судебной ответственности за вооруженную борьбу против партизан было привлечено шесть священников, многие были расстреляны без суда и следствия [15, с. 67–69].

Убийства и аресты священнослужителей стали распространенным явлением, хотя далеко не все из них были ответственны за смерть и расстрелы партизан. Так, восставшие крестьяне с Каратузского Минусинского уезда в ноябре 1918 г. вместе с партизанами разгромили казачий отряд Шонина и расстреляли вместе с членами этого отряда священника местной церкви Михаил Щербакова за то, что тот укрыл казаков в здании храма. Вместе со священником была убита и его жена. Здание храма было разграблено во время обыска, как и приходская квартира. 12–25 декабря состоялось торжественное отпевание о. Михаила. Перед погребением тела был проведен крестный ход, который собрал «громадную» массу народа [16]. Сам чин отпевания совершали 13 священников, 5 диаконов и хор певчих, что по тем временам было экстраординарным событием. Слова прощания были сказаны его сыном, священником о. Александром Щербаковым, и священником Всеволодом Барковым [17].

Та же участь постигла священника Ново-Еловской Крестовоздвиженской церкви Владимира Фокина, который выехал в д. Лодочную Большеулуйской волости Ачинского уезда для бракоразводного процесса и оказался на пути отряда Щетинкина. 24 января 1919 г. он был убит около д. Турецкой и закопан в снегу [18]. Кроме огнестрельной раны, на его теле оказались три штыковых ранения. В убийстве принимали участие его прихожане, примкнувшие к партизанскому отряду. Тело священника было вывезено ночью, тайком, и похоронено 25 января в Ачинске. Как писали «Енисейские епархиальные ведомости», в похоронах участвовал почти весь город, так как покойный был родом отсюда и пользовался большой популярностью среди прихожан [19].

13–14 февраля 1919 г. (точная дата в «Ведомостях...» не указывается) был убит священник Петровского прихода Ачинского уезда о. Михаил Каргополов. Его вывезли из села и по дороге в д. Орловку, после того как сняли шубу и крест, убили выстрелом в голо-

ву, затем уже в мертвое тело выпустили около 20 зарядов. Отпевание о. Михаила было совершено епископом Назарием 30 марта [20]. 30-го же марта 1919 г. был расстрелян еще один священник Ачинского уезда — о. А. Поливанов, служивший в с. Алтатском [21].

Во время восстания в Енисейске арестам и угрозам подверглась и часть священников. Их даже попытались привлечь к рытью окопов, но часть восставших вступилась за пастырей, побоявшись заступничества православных верующих. Церкви и монастыри подверглись обыскам, но грабежей не было [22].

28 января 1919 г. был расстрелян «за смелое и искреннее слово» благочинный 5-го участка Канского уезда Енисейской епархии Трофим Евстафьевич Кузнецов [23].

К марту 1919 г. в Канском уезде были расстреляны священники о. Николай Силин (Гасеевская церковь), Порфирий Фелонин (Троицко-Заводская церковь), Амос Иванов (Вахрушевская церковь). Вдова местного благочинного Т.Е. Кузнецова с детьми была спасена от гибели правительственным отрядом и вывезена в с. Христорождественское, но военные события докатились и туда. Местный священник о. Сергей Суховский обратился к духовным властям за разъяснением, можно ли отпевать погибших на поле брани. Ему было дано разъяснение, что вопрос о христианском погребении будет решаться отрицательно только в случае, если погибший открыто выступал против Церкви. В итоге в конце марта священник был вынужден забрать из церкви антиминс и выехать из села в Канск [24].

13 марта в д. Переяславке Канского уезда был арестован местный священник В. Мицевич, но позднее под давлением прихожан его освободили из-под стражи. Священник Михайловской Покровской церкви о. Стефан Семеченко был убит, а приход временно закрыт по причине отказа прихожан защищать священников. Расстрелян был и Туровский священник о. Стефан Мельничук (в июньском номере «Ведомостей...» за 1919 г. указывается, что его насильно перевезли в Апан, где он проводил службы под страхом смерти) [25; 26]. Особенно жестоким было убийство священника Апанской Николаевской церкви Димитрия Неровецкого, которого перед смертью истязали, а потом сожгли [27].

Были и случаи защиты прихожанами церкви от разграбления, как в с. Кома Минусинского уезда. Только один из священников уехал из села, а два других, отцы Троицкий и Фаветрицкий, остались. После обысков в их квартирах и допросов прихожан священников оставили в покое. Их даже попросили отпеть двух погибших партизан, что они и сделали. Приходскими собраниями Тертежской и Михайловской церковью Красноярского уезда, Нижнеингашской церкви Канского уезда, Шарыповской, Никольской, Ужурской, Новоеловской церковью, Северокатыкской Ачинского уезда, Анашевской Минусинского уезда были приняты постановления о защите клира и самого здания церкви в случае нападения партизан [28].

С другой стороны, книги журнальных постановлений Енисейского епархиального церковного совета пестрят сообщениями о случаях захвата церковных земель (Назимовский приход — 14 марта, Фыркальский приход — 2 августа), о нежелании нести расходы на содержание причта и закрытии в связи с этим приходов (д. Кубеково Коркинского прихода — 1 апреля 1919 г., Вознесенский приход — 4 апреля 1919 г., с. Александровское Новосельского прихода — 4 апреля 1919 г., Иланский приход — 17 июня, Шуваевский приход — 4 июля, Малоулуйский приход — 16 августа), об отказе от возведения причтовых построек (улус Косой Ложок — 4 апреля, 7 июля), об оскорблениях священнослужителей (Изындаевский приход — 19 марта, Табатская церковь — 20 марта, Курьшинская церковь — 6 июня).

При набегах партизан страдали церкви. Так, в Большемуртинской церкви были изорваны книги, разграблены вещи священников, погибли все бракоразводные дела, была похищена церковная печать (17 июня). В Иланском приходе было разграблено кладбище (17 июня). В Кньшпенской церкви также пострадало имущество (14 августа), а в Белькском приходе было изъято для нужд партизан здание церковно-приходской школы (8 сентября).

В сентябре 1919 г. Енисейский епархиальный церковный совет принял решение о возложении на прихожан ответственности за разграбленное имущество, в случае если они принимали в этом участие [29].

На священников возлагалась ответственность за сохранность церковных книг. Церковные власти проводили расследования убийств священнослужителей, и в случае доказанности вины прихожан приход закрывался на неопределенное время. Постепенно происходила эскалация конфликта. Фиксировались случаи предания анафеме большевиков, как в случае с псаломщиком Хайдакского прихода Климовским. В результате псаломщик был убит, а его действия церковный совет признал неосмотрительными.

В период Гражданской войны верующие Приенисейской Сибири оказались втянутыми в политическое противостояние, и многие из них не знали, как реагировать на происходящие события. Участие служителей культа в политической борьбе выявило разделение позиций в его среде, что, наряду с другими факторами, способствовало падению авторитета церкви. Происходящие в стране процессы провоцировали насилие над священнослужителями и верующими.

В результате внутренних разногласий православная церковь частично лишилась имиджа объединяющей силы и утратила моральное право выступать от имени всего народа. Кризисный процесс затронул рядовое духовенство и разлагающее действовал на паству.

Литература

1. Абросенко К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1938. 71с.
2. Окладников А. Церковь в борьбе с пролетарской революцией в Восточной Сибири // Будущая Сибирь. 1932. № 4–6. С. 108–116.
3. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири / Сиб. краев. совет Союза воинствующих безбожников. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 127с.
4. Эйнгорн И.Д. Религия, церковь и классовая борьба в Сибири (1917–1937). Томск, 1983.
5. Петров С.Г. Отношение Православной Российской церкви к большевикам в 1917–1918 гг. // Вестн. ПСТГ УШ: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 31–43.
6. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917-1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: Изд.-полиграф. Комплекс: ВСГАКИ, 2008. 300 с.

7. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917-1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 55 с.

8. Новикова Т.М. Русская православная церковь в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 27 с.

9. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861 – 2011 гг.: ист.-публ. очерк. Красноярск: ИД «Восточная Сибирь», 2011. С. 284-294.

10. Шекшеев А.П. Государственно-церковные отношения в Российской провинции (1917–1920-е гг.): историографический аспект [Электронный ресурс] // Касьяновский дом: музено-просвет. центр дух. культуры Красноярского края: сайт. URL: http://kasdom.ru/r_obrazovanie/stati/5027/ (дата обращения: 14.01.2017).

11. Журналы заседаний Енисейского епархиального собрания духовенства и мирян за 1919 г. // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф.674. Оп. 2. Д. 80. Л. 10, 16–17, 22.

12. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.): моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.

13. Журналы заседаний Енисейского епархиального собрания духовенства и мирян за 1919 г. // ГАКК. Ф. 674. Оп. 2. Д. 101. Л. 106. 111 об. 112.

14. Енисейский вестник. 1919. Сентябрь. – окт.

15. Фаст Г. Енисейск православный. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. 238 с.

16. Енисейские епархиальные ведомости (далее – ЕЕВ). 1918. №19–20. Ноябрь–декабрь.

17. ЕЕВ. 1919. №3. Март.

18. ЕЕВ. 1919. №1–2. Январь–февраль.

19. ЕЕВ. 1919. №3-4. Март–апрель.

20. ЕЕВ. 1919. №4. Апрель.

22. ЕЕВ. 1919. №4. Апрель.

23. ЕЕВ. 1919. №3. Март.

24. ЕЕВ. 1919. №3. Март.

25. ЕЕВ. 1919. №4-5. Апрель–май.

26. ЕЕВ. 1919. №5. Май.

27. ЕЕВ. 1919. №6. Июнь.

28. ЕЕВ. 1919. №5–6. Май–июнь.

29. ГАКК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 153. Книги журнальных постановлений Енисейского епархиального церковного совета за 1919 г. Л. 105, 106 об., 111, 114, 118 об, 119, 119 об, 123, 143, 170, 171, 171 об., , 181, 184 об., 202 об., 212 об., 213 об., 226 об., 231.

30. ГАКК. Ф.297. Оп.1. Д. 154. Книги журнальных постановлений Енисейского епархиального церковного совета за 1919 г. Л. 1, 16, 21.